

Поэт между тираном и чернью

Лит. новости. — 1992. — № 3. — С. 13-14.

Старая, как мир, проблема "поэт и царь". Мы ее проходили на примере Пушкина и Николая I. Теперь попробуем осмыслить на материале Пастернака и Сталина, Пастернака и Хрущева.

*"Напрасно в дни великого совета,
Где высшей страсти отданы места,
Оставлена вакансия поэта:
Она опасна, если не пуста".*

Так Пастернак осмыслил проблему "поэт и власть". Вакансия предполагает должность. Должность Поэта в государстве сродни статусу царя и вождя, или, вернее: поэт — это антицарь, антивождь, у него своя должность: он "числится по России". Выразителен диалог:

— Папа, кто такой Сталин? — Наш вождь. — А я думал, что вожди бывают только у дикарей".

Да, вожди и фюреры бывают у дикарей. А поэты бывают у человечества. И в век дикарства поэты противостоят вождям. Булгаков показал в "Кабале святош", что вожди не только заставляют прославлять себя, притесняют и губят поэтов, но и спасают их от черни. Чернь есть непреходящий атрибут дикарства, и она для культуры страшнее тирана. Силой черни и живет диктатор, ибо он может быть тираном лишь до тех пор, пока окружающие относятся к нему как раболепные подданные: Тирана на исторической сцене играет чернь, именно она создает и атмосферу, и ореол, и обстоятельства тирании. Более того, чернь всегда переживает тирана и понесет на своих плечах его традицию в грядущее. Это видно на истории политического скандала вокруг "Доктора Живаго". Тирана уже не было, и именно чернь бесновалась вокруг романа, заслужившего Нобелевскую премию.

Проблема "поэт и чернь" — зеркальное отражение проблемы "поэт и тиран". Хочу вспомнить одно предание:

Критик Тарасенков нежно дружил с Пастернаком, знал и любил его стихи. Однако — если партия велит, значит надо — однажды опубликовал в "Культуре и жизни" разгромную статью о поэзии Пастернака. Встретившись с поэтом, Тарасенков не решился подать ему руку, но Пастернак с улыбкой заметил: "Толя, не стесняйтесь, вы же не человек, а бобовое".

Пастернак не вписывался в литературный процесс сталинской эпохи. То, что при этом поэт не был арестован, предание объясняет тем, что в дореволюционное время

он якобы издал сборник переводов грузинских поэтов, где были опубликованы и переводы стихов молодого Сосо Джугашвили. Это предание — попытка упрощенно объяснить отсутствие традиционного финала в традиционном противоборстве тирана и поэта.

Однако Сталин говаривал: "Благодарность — собачья болезнь". И просто из благодарности за переводы оставить в живых поэта — это не по-сталински, даже если бы эти переводы существовали. Ведь поддержал же Сталин идею убийства классика грузинской поэзии Ильи Чавчавадзе, который напечатал первые стихи Сосо Джугашвили. Убийство осуществили боевики под руководством Махарадзе, Орджоникидзе стоял на стреме.

(Чавчавадзе мешал большевикам разжигать классовую борьбу в Грузии, утверждая, что маленькому народу — грузинам — нужен гражданский мир и согласие.)

Сталин не случайно в известном телефонном разговоре с Пастернаком спрашивал о том, насколько хороший поэт Мандельштам. Рейтинг деятелей культуры заботил Сталина и принимался им во внимание. При всем алогизме и инфернальности арестов в них был и элемент логики. Если художник с высокой культурной значимостью, о которой Сталин оказывался осведомлен, прямо не мешал его властвованию, то у такого художника был шанс выжить. Примером тому — Шостакович, Прокофьев, Пастернак.

О том, что это была за горная цепь истории, по которой шло поколение Пастернака, говорит то, что один из главных пиков этой горной цепи был 1937 год. В историческом анекдоте "Подальше от земных дел" передано живое ощущение этой эпохи.

Мой учитель, друг Пастернака профессор Валентин Фердинандович Асмус был энциклопедически образованным философом. Он преподавал историю философии, логику, эстетику, этику и мог преподавать еще много дисциплин. Курьезно, что, несмотря на советский запрет на профессии, Асмус читал лекции по философии, не будучи членом партии (в этом отношении я пошел по его стопам).

Во второй половине 30-х годов над Асмусом нависло черное облако — ясный в некоем неопределенном идеологическом преступлении, которое Сталин поименовал

меньшевиствующим идеализмом и отнес к нескольким образованным философам. В 37 году туча должна была развиться грозой. Но странным образом Асмус избежал своей неминуемой участи. Спасло его то ли простодушие, то ли хитрость. (Как-то в Таджикистане я услышал историю о человеке, чудом избежавшем гибели во время землетрясения. От подземных толчков надломилась и стала падать гора: все, побежавшие от нее, были ею накрыты, а человек, кинувшийся к горе, остался жив.) Так в 37 году случилось с Асмусом, когда к числу своих научных занятий он задумал прибавить еще и астрономию. Асмусу понадобился небольшой телескоп, приобрести который можно было только в Йене на заводе Цейса. Асмус написал туда (в фашистскую Германию!) письмо и получил любезный ответ, что в случае перевода определенного количества марок телескоп будет немедленно выслан заказчику. В поисках возможности обменять рубли на марки профессор отправился по разным учреждениям и инстанциям. Чиновники шарахались от странного посетителя — то ли провокатора, то ли сумасшедшего. Наконец кто-то сказал, что правом обмена денег обладает только Молотов. Асмус написал в этот заоблачно-высокий адрес письмо и получил оттуда разрешение на обмен валюты и на покупку телескопа. И еще до конца 37 года он телескоп получил.

Вся эта опасная суeta и сохранила жизнь обреченному "меньшевиствующему идеалисту": его контакты с гитлеровской Германией осуществлялись при благорасположении Молотова. Так Асмус пережил страшный 37 год, а цейсовский телескоп я видел на его даче в Переделкино, даже смотрел через него на небо.

Пастернак в известном смысле выбрал ту же позицию, что и его друг Асмус: подальше от земных дел. Ведь это его лирический герой кричит в окошко детворе: "Какое, милые, у нас Тысячелетие на дворе?"

У Пастернака это социально активная позиция ненасильственного толстовско-гандистского сопротивления. Его мощь велика: в Индии такое сопротивление освободило без единого выстрела полмиллиарда людей из-под колониальной зависимости.

А вот как, согласно преданию, реагировал Сталин на это отстра-

нение Поэта от реальности.

Генеральный секретарь Союза писателей Владимир Петрович Ставский привез Пастернаку письмо, приветствующее расстрел маршала Тухачевского. Пастернак поставил свою подпись отказался. Но на следующий день оно было напечатано в "Правде", и подпись Пастернака под ним стояла. Пастернак обратился к Сталину и объяснил, что он воспитывался в духе толстовских традиций, поэтому быть кому-либо судьей не может. Сталин сказал: "Не трогайте этого небожителя, этого блаженного".

Однако Сталин не мирился с отключением Поэта от социального бытия и пытался включить его в решение задач своего царствования. Об этом рассказывает предание "Хлеб, колхоз и Пастернак".

В середине 30-х годов Сталин спросил у Фадеева, что делает поэт Пастернак.

— Пишет стихи, — ответил Фадеев.

— Это хорошо, — сказал Сталин, помолчал и добавил: — Почему бы поэту Пастернаку не написать поэму о колхозе? Нужно воспеть нашего труженика, добывающего хлеб.

— Хорошо, товарищ Сталин. Я поговорю с поэтом Пастернаком, и он воспоеет труженика.

— Создайте условия. Пошлите Пастернака в творческую командировку в колхоз. Пусть там поэт изучит жизнь.

— Хорошо, товарищ Сталин, поэту Пастернаку будет очень полезно изучить жизнь, особенно в колхозе.

Фадеев тут же сообщил Пастернаку пожелание товарища Сталина. Пастернак был смущен, но вежливо согласился с предложением. Однако в командировку не поехал и писать ничего не стал.

Вскоре Сталин, памятный на задания, вновь спросил, что делает поэт Пастернак. Фадеев снова ответил: пишет стихи. Сталин поинтересовался стихами о колхозе.

— Пока не написал, — искренне признался Фадеев.

— Это жаль, — сокрушался Сталин, — такая хорошая и важная тема.

— Да, — согласился Фадеев. — Я ему напомню.

— Напомните и дайте ему командировку в колхоз, чтобы изучил жизнь.

— Хорошо, товарищ Сталин, пусть изучает жизнь.

Пастернак получил командиров-

ку в колхоз, но опять никуда не поехал. Когда в третий раз Сталин спросил у Фадеева, что делает поэт Пастернак и услышал в ответ, что тот так и не написал поэмы о колхозе, он очень рассердился:

— Мы просим Пастернака показать, как наши труженики добывают хлеб, а он не хочет. Ну что же давайте немножко урежем хлеб у поэта Пастернака, раз его не интересует, как этот хлеб добывают.

И Пастернака перестали печатать. Он стал жить переводами.

То ли дело сочинитель стихов, прозы и драм Константин Симонов, который оперативно отзывался на социальные заказы эпохи, на пожелания и творческие задания вождя. Так, например, по прямому указанию Сталина о необходимости воспитывать ненависть к немецко-фашистским захватчикам, Симонов, которому это указание передал Шербаков, написал знаменитое стихотворение "Убей его!". Благодаря такому творческому поведению Симонов стал (это для книги рекордов Гиннеса) лауреатом шести Сталинских премий (1942, 1943, 1946, 1947, 1949, 1950 года).

Пастернак жил в неизменно суровую эпоху и сохранял духовность и внутреннюю свободу несмотря ни на что. У меня есть запись. Пастернак в 1947 году сказал поэту Михаилу Львову: "Даже среди этого моря лжи люди все же видят честные сны".

Приведу и запись, фиксирующую предание о телефонном разговоре Сталина с Пастернаком. В разгар репрессий Пастернаку позвонил Сталин:

— Товарищ Пастернак, хороший ли поэт Мандельштам?

Не соотнеся свой ответ с драматической ситуацией, в которой находился Мандельштам и опасаясь подозрения в знакомстве со стихотворением о Сталине, а также проявляя обычную для себя требовательность и честность в разговоре о поэзии, Пастернак стал путано рассуждать о достоинствах и недостатках поэзии Мандельштама.

— А как идут дела у поэта Мандельштама?

— Он сослан. Я хлопотал, но безуспешно.

— А почему вы не обратились ко мне? Я к своим друзьям отношусь